



**Алекс Твиркель**

**Три пути: рай, ад и  
пустота**

18+

# Алекс Твиркель

## Три пути: рай, ад и пустота

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=73126308](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73126308)*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Что ждёт нас после смерти? Рай, Ад или Забвение? Четверо героев получают шанс увидеть свою жизнь со стороны и выбрать путь. Но что, если ни один из предложенных вариантов не подходит? Философская притча о выборе, ответственности и вечном странствии души, где спасение – не конечная точка, а бесконечный путь к себе.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 4  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 35 |

# Три пути: рай, ад и пустота

## Пролог

Не было ни света, ни тьмы. Только тихий вопрос, вибрировавший в самой сути того, что когда-то было «я».

«Что ты есть?»

Земной сосуд остался там, в мире причин и следствий. Здесь осталась только суть. И перед ней, как развилка в бесконечном тумане, расходились три Пути.

Первый излучал тепло, обещая покой и возвращение к Источнику. Рай.

Второй вился колючей тропой, уходя вглубь, откуда доносилось эхо неслышанных стонов. Ад – не наказание извне, а единственное продолжение для души, сросшейся со своей тьмой.

Третий был не путем, а его отсутствием. Тишиной. Прекращением вибрации. Темнота. Забвение.

Выбор был неизбежен. Но сначала душа должна была уви-

дать себя. Во всей полноте.

## *Глава 1. Вероника*

Боль ушла последней. Вероника открыла глаза – или ей показалось – и увидела белое, мягкое пространство. Перед ней стояло существо с текучим обликом.

– Приветствую. Я – Ариэль, Проводник.

– Я умерла?

– Ваше земное тело завершило путь. Теперь вам предстоит увидеть его целиком и сделать выбор.

Пространство ожило. Вероника увидела себя – молодую медсестру, склонившуюся над плачущим ребенком. Потом – себя же у кровати умирающего старика. Десятки лиц, полных боли и благодарности. Она меняла повязки, слушала исповеди, говорила тихие слова надежды.

Она видела и другое: свой крошечный дом, вечный ремонт, усталые глаза в зеркале. Отказ от поездки к морю. Несказанное «нет» человеку, который предлагал другую жизнь.

– Зачем ты это делала? – спросил Ариэль.

На «экране» – последняя сцена. Она заслонила собой от тележки пожилую пациентку. Удар. Освобождение.

– Потому что они были в боли, – тихо ответила Вероника. – А я могла забрать хотя бы часть.

Она улыбнулась. Не радостно, а глубоко, умиротворенно. Она не увидела там подвигов или славы. Увидела значение. Тысячу маленьких моментов, где ее присутствие было кстати.

В ее сердце – или в том, что было его сутью – вспыхнул тихий, чистый свет.

– Я готова.

## *Глава 2. Виктор*

Смерть пришла как досадный сбой. Один момент – он диктовал гневное письмо акционерам. Следующий – резкая вспышка за грудиной. Падение на персидский ковер. Серая пустота.

– Приветствую, Виктор.

Он очнулся в том же пространстве. Но для него оно казалось ледяным вакуумом. Ариэль вызывал ярость.

– Что это за шоу?

– Это – пауза. И возможность увидеть.

– Я всё видел! Я построил империю!

– Посмотрим.

«Фильм» Виктора начался с первого крупного успеха. Молодой, голодный, умный. Подписание контракта, обойдя более достойного партнера. Восторг и презрение.

Кадры ускорялись. Холодные расчеты, «необходимые» увольнения, сокрытие цифр, шантаж. Лица: сломленный конкурент, вдова партнера, молодой инженер, чью идею он присвоил и вышвырнул.

Теперь он видел не только результат – рост акций. Он видел последствия. Волны страдания от каждого решения. Отчаяние инженера, рушащуюся семью конкурента. И свою реакцию: миг сожаления, задавленный мыслью: «Выживает сильнейший».

Фильм дошел до последнего дня. Изможденный, одинокий человек в огромном кабинете. Не кому передать империю. Секретарша боялась. Дети ненавидели. Последний кадр – его искаженное лицо на ковре.

– Зачем? – спросил Ариэль.

Виктор хотел крикнуть: «Ради победы!» Но слова застряли. Доказать что? И кому? Все, что он построил, осталось там. Здесь же – только тягучее, гнетущее чувство. Холодная пустота, которую он принимал за силу.

Он смотрел на три Пути. Теплый свет Рая был невыносимым укором. Темнота манила покоем. Но его взгляд потянулся к колючей, дымящейся тропе. Она пугала. Но в ее мраке он видел отражение.

– Туда, – хрипло сказал он, указывая на Путь в Ад.

Это не был выбор. Это было признание.

### *Глава 3. Марк*

Марк умер с кистью в руке. Последний мазок на полотне, головокружительная эйфория – и падение на пол мастер-

ской.

Его пробуждение было плавным. Он как будто вышел из одной картины в другую. Ариэль казался ему интересной абстрактной скульптурой.

– О, здесь хорошее освещение.

– Приветствую, Марк. Время для итогового просмотра.

«Фильм» был хаотичным и красочным. Калейдоскоп чувств: первые рисунки на обоях, восторг от смешивания красок, долгие часы в музеях, бессонные ночи в мастерской. Эксперименты, сменяющиеся тоской и уверенностью в собственной бездарности.

Лица людей на его выставках: скептические, заинтересованные, потрясенные. Он чувствовал, как через его картины в чью-то душу пробивался луч света.

Но он увидел и другое: забытые дни рождения, несдержанные обещания, пустые холодильники, одиночество, которое он считал платой за гений.

– Какова была цель? – спросил Ариэль.

Марк смотрел на последний, незаконченный мазок. И понял.

– Я хотел поймать то невыразимое. Отблеск света, что стоит за всем. И поделиться. Чтобы другие тоже его увидели.

Он посмотрел на три Пути. Темнота – как холст, закрашенный черной краской. Ад – вечные творческие муки без реализации. Рай светился, как та гармония, к которой он всегда стремился.

– Я выбираю свет.

#### *Глава 4. Лилия*

Лилия не боролась. Резкий скрежет тормозов, ослепляющий свет фар, удар, леденящее спокойствие. В кармане – стёртая фотография: она, муж, дочка. Мир, рухнувший два года назад.

«Я иду к вам», – подумала она с глухой усталостью. И позволила жизни вытечь.

В сером пространстве Ариэль был уже рядом.

– Лилия.

Она не ответила.

– Тебе нужно увидеть.

– Я всё уже видела.

– Всё.

Пространство стало окном. Не экраном, а толстым, звуко-непроницаемым стеклом, отделяющим ее от прошлого.

Первое – солнечный день. Смех дочери. Руки мужа. Запах пикника. Ощущение абсолютной защищенности. Лилия внутренне сжалась. Это было большее, чем память о переулке.

Резкий переход. Звонок. Больница. Белые простыни. Два года пустыни. Дни, слившиеся в серую массу. Бессмысленная работа. Пустая квартира, где каждый предмет кричал. Бессонные ночи с одним вопросом: «Зачем?».

Постепенно вопрос стих. Осталось только немое «Низачем».

Она отталкивала друзей. Глотала таблетки не ради ухода,

а ради часов небытия. Смотрела на мир сквозь невидимое стекло.

– В чем был смысл? – спросил Ариэль.

– В том, чтобы понять, что его нет. Есть боль. А потом – конец боли. Вот и всё.

Она посмотрела на три Пути.

Рай – страшная насмешка. Вечно пребывать в свете, помня о тьме? Нет.

Ад? Она уже прошла свой ад. Два года жизни в нем. Ей не нужно дополнительное наказание.

Оставалась Темнота. Тишина. Отсутствие. Прекращение кино, в котором не осталось ничего.

– Я не хочу больше. Ни света, ни тьмы. Ничего.

Она указала на Путь в Темноту. Это был не уход от боли. Это было уход в ничто как в единственную форму покоя.

Ариэль смотрел на нее долго.

– Путь открыт.

## *Глава 5. Преддверие. Четверо*

Они не видели друг друга. Каждый находился в своем «пузыре» безвременья, отделенный от других невидимой, но непреодолимой гранью. Но пространство, если его можно было так назвать, теперь вмещало четыре души, завершившие просмотр.

Вероника стояла, окутанная тихим свечением, исходящим изнутри. Ее выбор был сделан – не разумом, а всей сутью. Она смотрела на сияющую тропу, ведущую в Рай, и чувствовала не нетерпение, а глубокую готовность. Ей было интересно, что будет там. Будет ли там место для простой заботы? Для тихих разговоров у постели? Она надеялась, что да.

Виктор сжимался в клубок отвердевшей воли. Его «я» было похоже на черный, острый камень. Путь в Ад зиял перед ним, и он уже чувствовал его холодное дыхание. Не страх наполнял его, а странное, горькое удовлетворение. Туда. Конечно, туда. Другого места для него не существовало. Он почти жаждал боли – не как наказания, а как доказательства. Доказательства того, что он был реальным, что его действия имели вес, даже если этот вес теперь давил на него одного.

Марк парил где-то между решительностью и любопытством. Его сущность, лишенная тела, все еще ощущала себя кистью, готовой коснуться холста. Рай манил его палитрой, о которой он только мечтал. Но в его выборе была и тень сомнения: а что, если там слишком совершенно? Если не будет той щербинки, того изъяна, который рождает подлинную красоту? Он отгонял эти мысли. «Будет вечность, чтобы разобраться», – сказал он себе, и его воображаемая рука потянулась к свету.

Лилия была тишиной. Ее выбор растворил в себе последние остатки чувств. Темнота, к которой она стремилась, была не страшной, а пустой. Как глубокий, бездонный колодец, куда можно наконец уронить тяжесть своего существования и услышать только тишину в ответ. Она не ждала ничего. Не хотела ничего. Ее решение было самым окончательным из всех.

Ариэль наблюдал за ними одновременно, будучи везде и нигде. Его беспристрастное сознание регистрировало каждую вибрацию их душ, но не вмешивалось. Он был свидетелем, дверью и указателем. Не судьей.

И вот пространство сдвинулось. Не изменилось, а словно вдохнуло, приготовившись к разделению.

Три Пути, бывшие прежде лишь образами, теперь проявились явственнее. Сияющая дорога заиграла живыми красками, от нее потянуло теплом и запахом цветущих садов. Колочая тропа стала резче, из ее туманных глубин послышался далекий, многоголосый стон, в котором каждый мог узнать отголоски собственных поступков. И Темнота... она не стала чернее. Она стала глубже. Абсолютной. Как закрытая дверь в несуществующую комнату.

Вероника сделала шаг вперед. Ее движение было мягким и естественным, как поворот к пациенту, нуждающемуся в помощи. Она обернулась, хотя не видела никого, кроме Ариэля, и кивнула ему. Благодарность? Прощание? Просто жест осознания.

– Иди с миром, – прозвучал в ее сознании голос Проводника.

Она повернулась к свету и пошла, не ускоряя шаг. Ее фигура растворилась в сиянии, словно капля воды, вернувшаяся в океан.

Следующим двинулся Марк. Он «взлетел» к сияющей тропе с энергией ребенка, бегущего навстречу чему-то удивительному. На мгновение он задержался на пороге, окинул внутренним взглядом невидимые ему другие «пузыри»,

и ему показалось, что он чувствует чье-то страдание и чье-то отчаяние. Художник в нем сжался. Но путь звал его. С последним, почти озорным мысленным взмахом воображаемой кисти, он нырнул в свет.

Виктор заставил себя посмотреть на Ариэля. Их взгляды встретились. В глазах Проводника не было ни осуждения, ни поощрения. Только знание.

– Это то, чего я достоин? – прошипел Виктор, уже не гневно, а с какой-то надтреснутой надменностью.

– Это то, что вы выбрали, – был ответ.

Виктор фыркнул – беззвучно, ибо звука не было. И шагнул на колючую тропу. Не пошел – рухнул в нее, как в пропасть. Мрак сомкнулся над ним, поглотив без остатка.

Осталась Лилия. И Ариэль. И безмолвие.

Проводник смотрел на женщину, чья душа была похожа на погасший фонарь. Он ждал. Даже здесь, в преддверии, где время не имело власти, последний миг перед окончательным выбором был священным.

Лилия медленно подняла руку – призрак руки – и указала

на Темноту. Не вперед, а вниз. Как будто опускала тяжелый занавес.

– Я не хочу ничего помнить, – прошептала она, и это была ее последняя связная мысль.

Ариэль кивнул. Не было ни слова «Прощай», ни пожелания покоя. Был лишь тихий, почти неощутимый сдвиг реальности.

Темнота, которая была путем, стала всем. Она не поглотила Лилию. Она просто перестала быть отдельной от нее. Граница стерлась. Сознание, память, последние следы «я» – всё растворилось, как соль в воде. Осталась только ровная, бесконечная, бессмысленная тишь.

Ариэль остался один в suddenly пустом преддверии. Три Пути исчезли, выполнив свою функцию. Пространство вновь стало нейтральным, готовым принять следующих. В его беспристрастных глазах, отражавших угасшие миры, мелькнула тень – не печали, а той вечности, которая всегда наблюдает, но никогда не судит.

Он знал, что для Вероники и Марка путь только начинается. Что Виктора ждет долгое падение вглубь себя. Что для Лилии всё уже кончилось.

Но он также знал – ничто не вечно. Даже выбор. Даже забвение. Где-то в тканях мироздания уже зарождалась новая вибрация, новый вопрос.

«Что ты есть?»

Ариэль замер, ожидая. Было тихо.

Часть 2

Глава 6. Преддверие. Эхо выборов

Пространство, которое было преддверием, опустело. Последние отголоски вибраций – светлой от Вероники, стремительной от Марка, тяжёлой от Виктора и беззвучной от Лилии – рассеялись, поглощённые безвременьем. Ариэль остался один. Его текучая форма на миг замерла, отражая в себе пустоту, а затем снова обрела мягкие, нейтральные очертания.

Преддверие было не местом, а состоянием. Промежутком между бывшим и будущим. Здесь не было стен, пола, неба – только бесконечная, мягкая серая гладь, способная принять любую форму, которую приносила с собой душа. Сейчас оно напоминало тихое озеро после того, как в него бросили четыре камня. Круги от всплесков уже разошлись и улеглись, но вода помнила касание.

Ариэль медленно обернулся, хотя оборачиваться было не к чему. Его взгляд – если это можно было назвать взглядом – скользнул по тем точкам, где ещё мгновение назад стояли четверо.

Там, где была Вероника, воздух – если это был воздух – всё ещё хранил лёгкое, тёплое свечение. Неяркое, как воспоминание о лампе под абажуром в больничной палате поздним вечером. Это был не свет Рая, а её собственный свет, который она накопила за жизнь, отдавая его по крупицам другим. Теперь он ушёл вместе с ней, направляясь к своему источнику. Ариэль наблюдал, как последние частицы этого свечения тают, словно иней на тёплом стекле. От неё осталось чувство... завершённой искренности. Тяжёлой, но чистой.

Место Марка пульсировало остаточной энергией. Не цветом, а именно движением, порывом. Как будто кто-то только что быстро провёл по холсту широкой кистью и исчез, оставив в воздухе дрожащий след незавершённого жеста. Здесь витало нетерпение, жадное любопытство и та особая творческая тревога, которая всегда соседствует с вдохновением. Отголосок его последней мысли – «будет вечность, чтобы разобраться» – повис в пространстве коротким, минорным аккордом и растаял.

Точка, где стоял Виктор, казалась более плотной, тёмной. Не чёрной, а скорее выжженной, как почва после удара молнии. От неё исходила сухая, статичная горечь и ощущение неразрешимого уравниения, где все переменные сошлись в тупик. Здесь не было страха. Было признание неотвратимости, принятое с гордым, искажённым внутренним согласием. Этот «след» остывал медленнее других, сопротивляясь растворению, цепляясь за свою собственную тяжесть. В конце концов, и он рассеялся, оставив после себя лишь тонкую, как паутина, нить сожаления. Не о содеянном – а о чём-то упущенном, чему никогда не суждено было стать ясным.

И наконец, Лилиина пустота. Это было самое странное. Она не оставила после себя ничего. Ни вибрации, ни эмоционального оттенка, ни следа памяти. Это место было идентично всем остальным точкам преддверия, будто там никто и не стоял. И в этой совершенной нейтральности была своя абсолютная, леденящая завершённость. Выбор, который отменил даже возможность оставить след. Ариэль дольше всего смотрел именно туда. В его бесстрастном сознании мелькнула сложная формула, описывающая переход из состояния «бытия-в-страдании» в состояние «не-бытия». Это был безупречный, безжалостный акт самостирания.

Проводник опустил голову. Это движение не выражало

печали. Оно было ритуальным, частью процесса завершения цикла.

Преддверие начало меняться. Серый фон стал ещё более прозрачным, неопределённым. Готовым стереть даже память о только что произошедшем. Три Пути – Рай, Ад, Тьма – больше не проявлялись. Они существовали вечно, но становились видимы и доступны только в момент выбора конкретной души. Сейчас врата были закрыты.

Ариэль знал, что сейчас произойдёт. Пространство начнёт «дышать», готовясь к приёму новой души. Интервалы между посетителями были непредсказуемы – от мгновений до субъективных веков. Время здесь подчинялось иным законам.

Но прежде чем преддверие полностью обнулилось, случилось нечто.

От четырёх точек, где стояли души, отделились едва уловимые импульсы. Не мысли, не чувства, а чистые, абстрактные «узоры выбора». Они не полетели по своим путям – пути уже были пройдены. Они устремились к Ариэлю.

Проводник не сопротивлялся. Это была часть его функции – быть не только свидетелем, но и хранителем впечатлений. Он не судил, не анализировал. Он принимал.

Узор Вероники вошёл в него как тихая, тёплая волна – образ сплетённых рук, укрывающее крыло, тихий голос в темноте. Это была летопись любви в действии, без героизма, но с достоинством.

Узор Марка ворвался вихрем цвета и звука – вспышка озарения, боль незавершённости, ликующий полёт кисти и горьковатый привкус одиночества, принятого как плата.

Узор Виктора вонзился осколком – острый, холодный, геометрически безупречный в своей жестокости образ башни, построенной на песке, и пустого трона в её вершине.

И от Лилии... от Лилии пришла не пустота, а образ. Простой, чёткий, разбивающий сердце: силуэты трёх человек на фоне солнца, мгновенно превращающиеся в белый, ровный свет, а затем – в абсолютную, плоскую черноту. Это был не её выбор Темноты. Это было то, что привело её к нему.

Ариэль воспринял все четыре узора. Они не смешались внутри него. Они легли отдельными слоями в его вечном сознании, как новые страницы в бесконечной книге. Они не меняли его. Они обогащали палитру его понимания.

Теперь преддверие было действительно пусто. Следы пол-

ностью исчезли. Серая гладь стала абсолютно однородной.

Где-то в тканях реальности, за гранью любого восприятия, Вероника делала первые шаги по цветущему лугу, пахнущему лекарственными травами и свежим ветром. Марк замирал в восхищении перед фонтаном, бьющим не водой, а чистым, поющим светом. Виктор падал в бездну, где его уже ждали тени с знакомыми лицами. Лилия... перестала.

А здесь, в точке начала всех путей, Ариэль снова замер в ожидании. Его фигура стала почти неразличимой, сливаясь с фоном.

Тишина.

И затем – едва зарождающаяся, далёкая вибрация. Слабый, растерянный импульс, похожий на первый вздох новорождённого.

Новая душа теряла связь со своим земным сосудом.

Ариэль пришёл в движение. Его формы стали чуть чётче. Беспристрастные глаза – если это были глаза – обратились к месту, где уже начинало мерцать новое, неоформленное сознание.

Цикл начинался снова.

Преддверие было готово.

Часть 3

### *Глава 7. Рай. Сад Вероники*

Первое, что восприняла Вероника, был не свет, а тишина. Но не та гулкая, пустая тишина преддверия. Это была тишина наполненная. Как тишина леса, где каждое дерево, каждый лист дышит своей жизнью, но вместе они создают совершенный, мирный хор беззвучия.

Затем пришёл свет. Он не обжёг глаза – их, в привычном понимании, у неё больше не было. Он просто был, обволакивая её сущность мягким, золотистым теплом. Он исходил отовсюду и ниоткуда, как свет от невидимого, ласкового солнца в пасмурный день.

Вероника обрела форму. Не тело – ощущение себя. Она стояла на траве. Трава была идеально мягкой, прохладной и упругой под... под чем-то, что заменяло ей ступни. Она наклонилась (как она наклонилась?) и коснулась травинок. Каждая была совершенна, с крошечной каплей росы, сиявшей, как бриллиант. Запах поразил её. Это был не один аромат, а симфония: свежескошенная трава, тёплая земля после дождя, сладкий запах цветущей липы и... и что-то ещё. Что-

то до боли знакомое. Антисептик? Нет. Валериана и ромашка. Запах её старой больничной аптечки, смешанный с ароматом летнего луга.

Она подняла голову и увидела Сад.

Он простирался до горизонта, но не давил бесконечностью. Он был уютным. Ровные газоны сменялись живописными рощицами, между которыми вились тропинки из белого, тёплого на ощупь камня. Цвели розы, пионы, лаванда – цветы всех оттенков, известных и неизвестных. Вдалеке серебристой лентой искрилась река, а над ней висели лёгкие, переливающиеся радугами мостики.

Было красиво. Невыразимо красиво. И в этой красоте Веронику кольнула странная, тонкая тоска.

«Здесь нет ни одного сухого листа, – подумала она. – Ни одного надломленного стебля».

Она пошла по тропинке, ведущей к роще цветущих яблонь. Её движение было лёгким, почти невесомым. Она не чувствовала усталости, боли в ногах после долгой смены, напряжения в спине. Это было неестественно.

Из-за дерева вышел человек. Нет, не человек. Существо,

похожее на светящуюся дымку в форме молодой женщины в простом платье. Оно улыбнулось, и улыбка была тёплой, но безличной, как улыбка на рекламном щите.

– Добро пожаловать, сестра, – прозвучал в сознании Вероники мелодичный голос. – Ты дома.

– Кто ты? – спросила Вероника.

– Ты можешь называть меня Хранительницей Сада. Или просто Сестрой. Мы все сёстры и братья здесь. Ты нашла покой.

Вероника кивнула, чувствуя лёгкое замешательство. Она ожидала... не знала, чего ожидала. Но не этого вежливого, безликого приёма.

– Здесь... Здесь есть те, за кем я ухаживала? – спросила она, и в её голосе прозвучала та самая нота, которая заставляла пациентов открывать ей душу – тихая, настоящая надежда.

Лицо Хранительницы осветилось.

– Конечно. Все, кого ты коснулась любовью, помнят тебя. Они ждут. Хочешь увидеть их?

Сердце Вероники (её вечное сердце) ёкнуло от радости. «Да!» – хотела она крикнуть. Но что-то удержало её.

– А... они счастливы здесь?

– Все здесь счастливы, – ответила Хранительница, и её голос прозвучал как аксиома. – Здесь нет страданий. Нет нужды. Только мир, красота и любовь.

«Нет нужды», – эхом отозвалось внутри Вероники.

Она всё же пошла за Хранительницей. Они вышли на солнечную поляну, усеянную полевыми цветами. На одеялах, под деревьями, группами и поодиночке сидели, лежали, тихо беседовали люди. Их лица были спокойны, умиротворённы. Они излучали лёгкое, ровное свечение.

И Вероника начала узнавать их. Вот старик, чью руку она держала в последние минуты. Он теперь выглядел моложе, улыбался, глядя на бабочку. Вот молодая женщина, умершая от болезни, которую Вероника долго и безуспешно пыталась облегчить. Теперь на её лице не было следов боли, только безмятежность.

К ней подбежала девочка лет шести – та самая, над чьей

кроваткой Вероника склонялась в первую свою ночную смену. Девочка, родившаяся с пороком сердца и не пережившая свою первую зиму.

– Вероничка! – звонко крикнула девочка и обняла её за ноги. Её прикосновение было тёплым, пушистым, как солнечный зайчик.

Вероника присела, чтобы быть с ней наравне. В её глазах стояли слёзы, но это были слёзы светлой, горьковатой радости.

– Привет, солнышко. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо! – девочка засмеялась. – Всё не болит. И можно всё время играть. И кушать мёд прямо с цветков!

Она говорила о своём счастье, и оно было искренним. Но Вероника, привыкшая считывать малейшие оттенки в голосах и взглядах, уловила нечто. Полное отсутствие тоски. Отсутствие даже вопроса «почему я так мало пожила?». Девочка была просто счастлива. Как идеально отлаженный механизм счастья.

Веронику обступили и другие. Они благодарили её, улыбались, касались её руки. Их любовь была настоящей. Но она

была завершённой. Как любовь к красивой картине на стене, которую ценишь, но которая не требует от тебя ничего, кроме восхищения.

Она провела с ними время – субъективно часы или дни, она не могла сказать. Они пили нектар, слушали музыку ветра в листьях, любовались закатом, который длился вечно, но никогда не переходил в ночь.

И чем дольше она была здесь, тем сильнее росло внутри странное чувство. Не пустота. Не разочарование. А... ненужность.

Её умение слушать? Здесь все и так слышали друг друга без слов. Её способность облегчать боль? Здесь не было боли. Её готовность не спать ночами, её терпение, её умение найти нужные слова в отчаянии – всё это было прекрасным, но бесполезным артефактом в мире, где не было ни отчаяния, ни усталости.

Когда она осталась одна на берегу тихой реки, глядя на своё идеальное отражение в идеальной воде, к ней пришла мысль, ясная и холодная, как та самая речная вода:

«Я пришла в Рай. Но та, кем я была – медсестрой Вероникой, – здесь мне не нужна. Кто же я теперь?»

Над водой пролетела птица из чистого света. Она пела, и её песня была прекрасна. Но в ней не было ни трели соловья, ни карканья вороны. Она была просто... красивой.

Вероника закрыла глаза (привычный жест, от которого здесь не было пользы) и впервые за вечность почувствовала тихую, смутную грусть по чему-то несовершенному, шершавому, живому. По больничному коридору в три часа ночи. По скрипу несмазанной каталкой. По горьковатому запаху лекарств и надежды.

Она была в Раю. Но часть её души, самая главная часть, тосковала по миру, где её любовь была не украшением, а необходимостью.

## *Глава 8. Рай. Палитра Марка*

Если Вероника попала в Сад, то Марк материализовался в самом сердце Гипергалереи.

Он стоял на бесконечном, отполированном до зеркального блеска полу, который отражал своды, уходящие ввысь дальше, чем хватал взгляд. Эти своды были не из камня, а из сгущённого, переливающегося света. От них исходило ровное, идеальное освещение, не отбрасывающее теней.

И вокруг – полотна. Они висели в воздухе, парили, медленно вращались, меняли свои очертания. Одни были гигантскими, другие – размером с ладонь. Здесь была «Мона Лиза», написанная такими чистыми, живыми красками, что она, казалось, вот-вот вздохнёт. Рядом с ней абстрактная композиция Кандинского, которая не просто висела на стене, а пульсировала, испуская тихие, гармоничные звуки. Дальше – фрески Микеланджело, сияющие так, будто их только что омыл дождь. И всё это – одновременно, в идеальном визуальном порядке, не создававшем ни малейшего ощущения тесноты или хаоса.

Марк замер. Его сущность, всегда жаждавшая красоты, дрогнула от восторга. Это было больше, чем он мог себе представить. Это был концентрированный экстракт всего прекрасного, что когда-либо было создано рукой (или духом) разумного существа.

– Добро пожаловать, брат.

Рядом возникло существо, похожее на ожившую статую Аполлона, но с глазами цвета тёплого янтаря. Оно излучало спокойную уверенность.

– Я – Хранитель Галереи. Или Наставник. Это место – для

таких, как ты. Для тех, кто искал гармонию и красоту.

– Это... невероятно, – прошептал Марк. Его внутренний взгляд метался от шедевра к шедевра, пытаюсь впитать всё сразу.

– Всё здесь – твоё для изучения. Ты можешь не просто смотреть. Ты можешь войти внутрь.

Наставник лёгким движением указал на ближайшее полотно – это был «Звёздная ночь» Ван Гога. И Марк... шагнул в него.

Он оказался в той самой ночи. Вихри синего и золотого вращались вокруг него, звёзды пульсировали тёплым светом, кипарисы тянулись к небу живыми, тёмными языками пламени. Он чувствовал ветер – тот самый, горячий, южный ветер, что дул в Сан-Реми. Он чувствовал безумие и восторг, из которых родилась эта картина. Но это было контролируемое безумие. Очищенное от боли, от отчаяния, от одиночества гения. Здесь осталась только чистая, прекрасная эмоция.

Марк вышел из картины, потрясённый. Он нырнул в следующую – в водоворот красных линий Ротко, где цвет был не просто цветом, а целой вселенной чувства. Потом в про-

зрачную акварель Дюрера, где каждая травинка была выписана с божественной точностью.

Он мог творить сам. Стоило ему подумать о холсте – и идеально загрунтованная поверхность возникала перед ним. Он желал краски – и целая радуга оттенков, которых не было даже в самом смелом спектре, появлялась у его ног в виде сияющих озёр. Он махнул рукой – и на холсте возникал идеальный пейзаж, лучше любого, что он писал при жизни.

И в этом была ловушка.

Первые «века» (или мгновения – время здесь тоже было идеальным и потому неосязаемым) Марк провёл в экстазе. Он изучал, копировал, создавал. Его новые работы были безупречны. Композиция, цвет, эмоциональный посыл – всё соответствовало высшим канонам гармонии.

Но постепенно его начал грызть червь сомнения.

Однажды он попытался написать портрет. Он представил лицо своей матери – уставшее, доброе, с морщинками у глаз от постоянной заботы. На холсте возник образ прекрасной, вечно молодой женщины с безмятежной улыбкой. Это было красиво. Но это была не его мама.

Он попробовал изобразить боль. Отчаяние, которое он чувствовал в те периоды, когда не мог творить. На холсте возникла потрясающая драматическая композиция в тёмных тонах, которая вызывала чувство возвышенной, благородной скорби. Но это не было тем рвущим душу, грязным, животным отчаянием, которое заставляло его биться головой о стену мастерской.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.